

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ

© 2012 В.А. Бердников*

Ключевые слова: потенциал, инновационный потенциал, инвестиционный потенциал, регион, постперестройка, кризис смысла, инновационно-инвестиционная стратегическая инициатива.

Анализируется проблемность развития инновационно-инвестиционного потенциала регионов постперестроечной России.

В массовом сознании не искоренено мнение, что постперестроечные процессы и надежды на иностранных “благодетелей-инвесторов” возможны, хотя в обществе окончательно вызревает ложность данного посыла. По нашему мнению, результирующими станут только трезвый прагматический подход и расчет на свои собственные силы. Однако, по данным ВЦИОМ, в предыдущем десятилетии 63% опрошенных полагали, что инновации - необходимое условие будущего процветания России. При этом 53% затруднялись объяснить, что такое инновации. Более половины полагало, что Россия сможет стать высокоразвитой державой, в основе экономики которой - наука и высокие технологии, не раньше чем через 10-15 лет (35%) или даже к середине XXI в. (20%).

Термин “потенциал” характеризует возможности той или иной системы, ее внутренние ресурсы, мощность и энергию, которые могут быть мобилизованы для тех или иных целей при тех или иных условиях. Если потенциал системы удастся оценить количественно, то можно говорить об уровне фактического использования потенциала при решении задач и достижении целей, равном отношению задействованных ресурсов ко всему потенциалу.

Понятие инновационного потенциала, обеспечивающего рост системы за счет нововведений, в экономическую модель впервые было введено ученым К. Фрименом. Как известно, нововведение, по Фримену, представляет собой систему мероприятий по разработке, освоению, эксплуатации и исчерпанию производственно-экономического и со-

циально-организационного потенциала, лежащего в основе новшеств. Практический аспект понятия “потенциал” нашел свое отражение в работах П. Дракера, где он исследует источники развития современной промышленности. В частности, Дракер отмечал, что инновации начинаются с анализа имеющегося потенциала с целью его эффективного использования. Инвестиционный потенциал характеризует упорядоченную количественную и качественную совокупность инвестиционных ресурсов - материально-технических, финансовых, информационных, трудовых, интеллектуальных и т.д. В данной связи регионы постперестроечной России будут представляться как “регионы вообще”, где их конкретизация и содержательная интерпретация осуществляются при выделении определенных типов регионов. Однако там же, по мнению автора, регион - это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов¹.

Не менее актуально трансформировать под регион и крупные города России, которые достаточно часто сопоставляются по единым показателям социально-экономического и инновационно-инвестиционного (ИИ) развития².

Если сравнить национальные инновационно-инвестиционные системы мировых лидеров и российскую национальную инновационную систему, то можно заметить, что для России факторами, сдерживающими ИИ-развитие, являются: коррупция, недостаточная эффективность работы правительства, недо-

* Бердников Владимир Алексеевич, доктор экономических наук, зав. кафедрой теории и практики хозяйствования Тольяттинского филиала Самарского государственного экономического университета. E-mail: berdanka@list.ru.

финансирование науки и НИОКР, недостаточная эффективность образовательной и научной инфраструктуры. По утверждению Дмитрия Анатольевича Медведева, инновационная активность реального сектора в России крайне низка. Разработку и внедрение технологических инноваций осуществляют около 5% промышленных предприятий (в развитых странах 80-87%); на наиболее перспективные инновации расходы составляют 2,5%; используется 8-10% инновационных идей и проектов (в Японии - 95%, в США - 62%); из 500 запатентованных изобретений находит применение только одно. На приобретение новых технологий расходуется только 18,3% всех средств, затрачиваемых на инновации, из них на приобретение права на использование объектов интеллектуальной собственности - 10,6% .

Общепризнано, что только индексы инновационного потенциала стран мира включают в себя, как правило, до 100 количественных и качественных переменных, которые охватывают сферы образования, науки, технологий, человеческий капитал, политический и инновационный климат в стране, интегрируют данные официальной статистики, опросы общественного мнения и экспертов. По значению Corruption Perceptions Index Россия в 2009 г. занимала 146-е место среди 180 стран мира (очень высокий уровень коррупции). По значению индекса ARWU, с помощью которого измеряют научно-образовательный потенциал университетов, МГУ (ведущий российский университет) в 2009 г. занимал 77-е место среди 500 ведущих университетов мира. В постперестроечный период активно проявляется старение научных кадров в РАН, там наблюдается дефицит двух поколений молодых ученых.

Следует отметить, что в постперестроечной России еще более низок социальный статус науки, технологий и новаторов, недостаточно развит так называемый “креативный класс”, есть ряд других генетических, психологических, социально-экономических, правовых, демографических, технологических, политических и культурных факторов, которые сдерживают развитие инновационного потенциала.

По значению индексов инновационного потенциала Россия планомерно снижает свой

международный инновационный рейтинг. Исследования китайских ученых (а именно Китай, уделяющий в последние годы инновациям особое внимание, совершил настоящий рывок вперед) показывают, что в 1960 г. СССР входил в группу с высоким уровнем инновационного потенциала, а в 2005 г. Россия находилась уже в средней группе.

Имеются основания предполагать, что и инновационно-инвестиционный рейтинг России среди стран мира будет снижаться с течением времени в соответствии с известными общесистемными закономерностями стадии спада в жизненном цикле систем. Однако в XXI в. “великие потрясения” становятся достоянием не только России, но и всего мирового сообщества. Долгосрочные прогнозы развития указывают на высокую вероятность изменения конфигурации геокультурных, геоэкономических и геополитических отношений уже в ближайшее десятилетие. Позиции, сформированные и расчетливо составленные игроками на “большой шахматной доске” в 80-е и даже 90-е гг. XX в. неожиданно для всех частично посыпались и распались.

Например, можно говорить, о кризисе цифровой экономики, связанной со значительной переоценкой ее активов, о серьезных неприятностях в мировой финансовой сфере. Все более отчетливо просматриваются контуры глобального энергетического кризиса. Отрицательный “резус-фактор” - последовательное снижение производительности капитала в развитых странах, скрытое до времени ростом производительности труда и бурным ростом так называемой новой экономики (экономики, основанной на знаниях).

Относительно устойчивый экономический рост в развитых индустриальных странах в XX в. задавался ростом инвестиционного потенциала и основывался на электричестве, двигателе внутреннего сгорания, химии, включая новые материалы и особый кластер - качественно новые средства коммуникации и развлечений - арткреатив. Инновационная волна, подкрепленная инвестиционной волной, связанная с возникновением ядерной энергетики, с бурным ростом ракетно-космической промышленности и с так называемой “компьютерной революцией”, лишь частично стимулировала устойчивый экономичес-

кий рост. Системность реализации этих технологий была, однако, уже заметно ниже, чем у первых четырех, а инвестиционные заметно выше. Космические полеты и ядерная энергетика поражают больше воображение обывателя, но их значение все же не соизмеримо с ролью предыдущих инноваций, перевернувших образ жизни цивилизованного человека.

Видимый расцвет информационных и финансово-экономических технологий, каскад социальных изобретений и другие “мягкие” инновации показывают, что инновационный импульс не только не возрос, но скорее затих, снижаясь неравномерно, но достаточно заметно, начиная с середины 70-х гг. XX в.

В XX в. специфика российского культурного кода была проэксплуатирована весьма некачественно, хищнически и однобоко, однако именно она обеспечила развитие СССР, России через феномен ВПК, реализовав в авторитарной стране (опережая подчас всех и вся) ряд современных высокотехнологичных проектов в областях военного строительства, ядерной энергетике, космонавтике, современного авиастроения, специальной металлургии и т.п.³

Можно приводить немало аргументов в подтверждение тезиса о творческом, интеллектуальном потенциале как основной, козырной карте российского общества, где особая тема - судьба умов, талантов и идей, на протяжении XX столетия исходящих из России, - это судьба Русского Мира⁴.

Искажение фундаментальных закономерностей развития рано или поздно приводит к кризису, что верно и для мира в целом, и для России. Страна на протяжении долгого периода - практически всей второй половины XX в. - переживает один из наиболее разрушительных для социального организма кризисов смысла. На практике это выражается в явной транзитности и неполноте предлагаемых рецептов по исправлению ситуации, в непрочности социального контракта между властью и обществом, в неустойчивости положения государства в международном сообществе.

Ситуация в России, однако же, осложняется дополнительным фактором, затрудняющим позитивный выход из обозначенного “смыслового кризиса”. Речь идет об отсут-

ствии в стране сложившейся корпорации элитных групп, “правлящего класса”, видящего для себя резон в общественной самоорганизации и синергии - в совместном обустройстве страны и государства, исходя из долгосрочных целей социокультурного развития. Актуальны, но и не бесспорны в этом контексте и утверждения Василия Симчеры: “Национальное богатство России. Официально: \$4,0 трлн. Фактически (по данным НИИ статистики Госкомстата России): \$40 трлн. Размер интеллектуального капитала. Официально: \$1,5 трлн. Фактически: \$25 трлн. Доля инвестиций в % ВВП. Официально: 18,5%. Фактически: 12,2%. Темпы прироста ВВП. Официально: 6%. Фактически: 4%. Инфляция в среднем за год. Официально: 6-8%. Фактически: 18,27%. Разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных. Официально: 16 раз. Фактически: 28-36 раз. Разрыв в уровне валового внутреннего продукта по регионам. Официально: 14 раз. Фактически: 42 раза. Доля населения, принадлежащего к социально деклассированным группам, в % к общей численности населения. Официально: 1,5%. Фактически: 45%. Удельный вес убыточных предприятий. Официально: 8%. Фактически: 40%. Уровень общего налогообложения полученных доходов, в %. Официально: 45%. Фактически: 90%. Уровень уклонения от уплаты налогов, в % от доходов. Официально: 30%. Фактически: 80%. Степень износа основных фондов, в %. Официально: 48,8%. Фактически: 75,4%. Доля иностранного капитала в экономике России, в %. В целом - официально: 20%. Фактически: 75%. Реальные затраты на модернизацию, в млрд рублей. Официально: 750. Фактически: 30. Эффективность модернизации, в % к затратам. Официально: 25%. Фактически: 2,5%. Разница между ценами производителей и розничными ценами, в разгах. Официально: 1,5. Фактически: 3,2. Разница между назначаемыми и оплачиваемыми тарифами естественных монополий, в разгах. Официально: 1,1. Фактически: 1,7. Уровень безработицы, в % к занятости. Официально: 2-3%. Фактически: 10-12%. Численность совершенных преступлений (2009 г.), в млн чел. Официально: 3,0. Фактически: 4,8. Национальное богатство России. Официально: \$4,0 трлн. Фактически (по данным НИИ

статистики Госкомстата России): \$40 трлн. Размер интеллектуального капитала. Официально: \$1,5 трлн. Фактически: \$25 трлн. Доля инвестиций в % ВВП. Официально: 18,5%. Фактически: 12,2%. Темпы прироста ВВП. Официально: 6%. Фактически: 4%. Инфляция в среднем за год. Официально: 6-8%. Фактически: 18,27%. Разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных. Официально: 16 раз. Фактически: 28-36 раз. Разрыв в уровне валового внутреннего продукта по регионам. Официально: 14 раз. Фактически: 42 раза. Доля населения, принадлежащего к социально деклассированным группам, в % к общей численности населения. Официально: 1,5%. Фактически: 45%. Удельный вес убыточных предприятий. Официально: 8%. Фактически: 40%. Уровень общего налогообложения полученных доходов, в %. Официально: 45%. Фактически: 90%. Уровень уклонения от уплаты налогов, в % от доходов. Официально: 30%. Фактически: 80%. Степень износа основных фондов, в %. Официально: 48,8%. Фактически: 75,4%. Иностранного капитала в экономике России, в %. В целом - официально: 20%. Фактически: 75%. Реальные затраты на модернизацию, в млрд рублей. Официально: 750. Фактически: 30. Эффективность модернизации, в % к затратам. Официально: 25%. Фактически: 2,5%. Разница между ценами производителей и розничными ценами, в разгах. Официально: 1,5. Фактически: 3,2. Разница между назначаемыми и оплачиваемыми тарифами естественных монополий, в разгах. Официально: 1,1. Фактически: 1,7. Уровень безработицы, в % к занятости. Официально: 2-3%. Фактически: 10-12%. Численность совершенных преступлений (2009 г.), в млн чел. Официально: 3,0. Фактически: 4,8”.

Основная утрата, а точнее - не нашедшая достойного использования возможность на всем протяжении пути от СССР к РФ - это потенциал высокотехнологического развития. Частичное разрушение и недоиспользование национальных научно-технических ресурсов - причина многих экономических и социальных проблем современной России⁵.

В сущности, смысловое строительство в посткоммунистической России свелось к двум асимметричным сюжетам.

Первый - постперестроечный по своей сути, это неолиберальная концепция реформ, призванная обеспечить вхождение России в

контекст мировых процессов и мирового общества образца скорее 80-х гг. прошлого века, например, в ВТО.

Второй сюжет - через новое осознание идейного стержня, тяготеющего к автаркии, прочтение российских культурно-исторических традиций как основы особого пути страны; лучшее лучшему, по примеру Византии. Опыт последних двадцати лет показал, что неолиберализм, несмотря на ряд его технологических преимуществ, вряд ли способен стать основой национального консенсуса. Интеллектуальная оппозиция, однако, также не сумела представить обществу внятную социальную доктрину, могущую служить программой действий в современном мире.

В подобных обстоятельствах поиск обращенной в будущее программы действий, формулирование актуальности России в третьем тысячелетии приобретает характер вызова мировому сообществу и “отечественной” элите. В противном случае страну рано или поздно постигнет состояние негативной социальной апатии.

На наш взгляд, актуальной альтернативой процессам социальной дезадаптации является прочтение российского будущего общества как одного из мировых региональных инновационно-инвестиционных центров складывающейся мировой кооперации и одновременно новой, квазимирового класса ИИ-креативной среды. Россия в этой кооперации может занять место одного из креативных, лучших инвесторов.

Для данного утверждения существует ряд веских оснований. Для российской истории и российской среды, на наш взгляд, всегда была характерна атмосфера творчества и повышенной креативности. Данная специфика выражается как в привычных формах самой сути инновационной деятельности - в научных исследованиях, изобретательстве и инженерных решениях, так и в создании новых социальных технологий, в искусстве, культуре.

Предкризисное состояние мировой экономики в целом благоприятствует старту подобной инновационно-инвестиционно стратегической инициативы (ИИСИ). Ряд отраслей испытывает заметную нехватку фундаментальных инноваций. Это, прежде всего крупные инфраструктуры (энергетика, транспорт, коммуникации), системы пространственного

развития и расселения, системы капитализации человеческих ресурсов (продовольствие, экология, здравоохранение, фармацевтика, образование). Причем этот дефицит особенно отчетлив как раз не в области технологий и оптимизирующих нововведений, где позиции России не так уж и сильны, а именно в сфере фундаментальных инноваций. Зстой фундаментального научно-технического прогресса становится все более очевидным фактом, являясь, по сути, стартовым механизмом глобального экономического кризиса. Однако в инвестиционных ресурсах нуждаются регионы. В прошедшем десятилетии инвестиционная потребность регионов по федеральным округам в виде оформленных бизнес-планов составляла сумму более чем в 40 млрд. долл.⁶ (Центральный - 6,6; Северо-Западный - 7,9; Южный - 3,8; Приволжский 3,7; Уральский - 4,3; Сибирский - 2,7; Дальневосточный - 12,1. На наш взгляд, в текущий период, данная потребность должны быть увеличена как минимум на 3,14).

Наметились серьезные трансформации в сфере гуманитарных технологий, куда все более активно смещается ИИ-динамика. Здесь обозначилась перспектива нового социального и культурного прочтения цивилизационных кодов третьего тысячелетия, в том числе в таких сферах, как право, культурная политика, глобальные медиа, эколого-энергетические замыкания.

Выстраивание образа “новых регионов” России в мировом сообществе как России интеллектуальной, инновационно-инвестиционной, информационной перспективно также с точки зрения действенной альтернативы ее нынешнему - бессодержательному, либо криминально-враждебному - имиджу. Другими словами, ИИ-мегапроект регионов России может позволить России остаться в клубе стран пока “первой лиги” и за счет этого сформировать новый контур геоэкономической кооперации со странами-лидерами, уже преодолевшими ключевые зависимости, характерные для индустриальной фазы развития, сформировать критерии для “высшей лиги”.

Мы столкнемся с феноменом ИИ-сопротивления среди широкого круга субъектов, занимающих лидирующее положение в традиционных индустриальных секторах эконо-

мики (включая традиционный и доминирующий сегодня в России сырьевой сектор). Для последних появление оптимизирующих, а тем более радикальных инноваций и направляемых на это инвестиций в подавляющем большинстве случаев означает резкое падение доходов от существующей деятельности, а зачастую ведет к их полному закрытию. Именно этот фактор стоит на пути возникновения квазирынков для инновационных разработок в рамках традиционных индустриальных областей деятельности.

Современная организация НИР и НИОКР в подавляющем большинстве случаев тормозит возникновение междисциплинарных, комплексных и системных разработок. Это означает, что одним из главных институциональных барьеров, стоящих на пути развития инновационной деятельности, является традиционная дисциплинарная форма организации научных исследований и разработок и методология построения научного знания в целом.

Наконец, появление в России источника неконтролируемых извне инноваций и инвестиций мирового значения может встретить определенное сопротивление со стороны некоторых влиятельных группировок мировой элиты, которая также консолидируется (но необходимо отметить и вероятность поддержки со стороны других группировок). Не меньшее число барьеров может возникнуть на пути преодоления существующих международных систем стандартизации деятельности, включая уже сложившиеся массивы протоколов, форматов, режимов и интерфейсов⁷.

Для полноценной реализации стратегической ИИ-инициативы сегодня необходима не только и не столько пресловутая политическая воля, сколько нужны понимание и системная поддержка этого мегапроекта со стороны влиятельных политических и экономических кругов, одобрение населением страны, конструктивная позиция со стороны зарубежных партнеров. Важна при этом и соответствующая широкая информационная кампания. Россия, в силу своего географического положения и большой территории, может стать подлинно богатой страной только на основе “прорывной” науки и новых технологий.

Сегодня лучше говорить о “критических технологиях”. В противном случае высокие

транзакционные издержки - большая стоимость базовых инфраструктур, поддержки системы расселения и социального пакета, обеспечивающего качество человеческого капитала, всегда будут снижать конкурентоспособность страны в целом и региональных в отдельности ресурсов и любых продуктов, создаваемых национальной производственной системой на мировых и региональных рынках.

¹ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики : учеб. для вузов. М., 2000. С. 16.

² Селиванов М.Б. Крупные города в социально-экономическом пространстве регионов России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. □ 5 (19). Т. 4.

³ Карачаровский В.В. Високотехнологичное развитие от СССР до современной России: проблемы, достижения, возможности. От СССР к РФ: 20 лет - итоги и уроки // Материалы Всерос. науч. конф., 25 нояб. 2011 г., Москва. Центр проблемн. анализа и гос.-управленч. проектирования. М., 2012.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение : курс лекций. М., 2012.

⁵ Карачаровский В.В. Указ. соч. С. 123.

⁶ Сулакшин С.С. Российская экономика: от сырья к знаниям (технология перехода) / Центр проблемн. анализа и гос.-управленч. проектирования. М., 2008.

⁷ Александров Н.Н. Всемирная торговая организация. Что ждет Россию: мировой опыт (факты и цифры). М., 2012.

Поступила в редакцию 09.12.2011 г.